

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-261-262

© С. В. Федотова

ДОСТОЕВСКИЙ В РАКУРСЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МЕТАКРИТИКИ*

В современном достоевковедении количество научных работ о творчестве писателя настолько велико, что это ставит перед исследователями серьезные проблемы методологического характера. Что нового можно сказать о Ф. М. Достоевском после полуторавекового интенсивного изучения его творчества как в отечественной, так и зарубежной гуманитаристике? С каким методом подойти не только к его художественным текстам, но и к текстам об этих текстах — к разнообразным интерпретациям, критическим, философским, религиозным, литературоведческим и т. д.?

Новая книга В. А. Келдыша, патриарха отечественного литературоведения, отметившего в прошлом году 90-летний юбилей, — «Наследие Ф. М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы» — уже самим названием задает методологические критерии рассмотрения заявленной темы. Первый из них четко определяет предмет исследования — «анализ понятийного мышления о писателе» (с. 8), т. е., по существу, свидетельствует о важности для автора эпистемологического метода «истории понятий», полезного для уяснения основных путей и закономерностей развития мысли о Достоевском.

Второй ограничивает материал изучения порубежной эпохой, называемой в общепринятом литературоведческом узусе Серебряным веком русской культуры. При этом синхроническое рассмотрение дискуссий о значении художественных открытий Достоевского, требующих адекватного метода их осмысления, дополняется диахроническим аспектом, позволяющим оценить степень новизны философско-критической мысли рубежа веков по отношению к предшествующей традиции. Третий методологический критерий — «принцип сугубой избирательности», который предполагает сознательные ограничения в отборе литераторов, писавших о Достоевском, а также их работ, наиболее репрезентативных для решения поставленных автором задач.

Предлагаемую методологию можно назвать академической метакритикой, нацеленной на аналитический обзор резонансных высказываний о художнике, поднимающих серьезные теоретико-литературные и философские проблемы. Основной акцент Келдыш делает «на мысли о писателе, перекинувшей мост между творчеством Достоевского и новым сто-

летием русской и всемирной духовной жизни». Подобная генерализирующая установка предопределяет логику рассмотрения материала и результат проделанной автором работы — понимание критической мысли о Достоевском как «утверждение всеобщей философичности видения мира в творчестве писателя, пронизывающей всю образную ткань его сочинений» (с. 7).

При всей своей традиционности такой подход дает Келдышу возможность уйти от идеологических и социологических стереотипов. Он тонко отмечает, что рефлексия о творчестве Достоевского не только разводила бывших единомышленников по разные стороны баррикад, но и зачастую сближала идеологических оппонентов в стремлении осознать значение феномена Достоевского для отечественной культуры. Полемическое бурление критических и философских прочтений творчества писателя, его разноречивое восприятие «поверх общественных лагерей», считает исследователь, связано с категорией художественности и разными критериями ее оценки. Сосредоточенность на понятии художественности, при всей вариативности его осмысления, как раз и является «ведущим опознавательным признаком, отличающим прижизненную мысль о писателе» (с. 12).

Сюжет книги строится на столкновении базовых эстетических понятий, определяющих понимание природы искусства и назначения литературы в воззрениях сторонников различных подходов (культурно-исторического, социологического, психологического, религиозно-философского и антропологического) к творчеству Достоевского. Автор прослеживает процесс изменений в восприятии художественного феномена творчества Достоевского в критическом сознании эпохи: от представлений о маргинальности его художнического дара по отношению к общим задачам искусства до признания его органичным явлением русской художественной культуры — при всей особости пролагаемых им путей. Таким образом перед нашими глазами разворачивается весь диапазон позиционирования писателя в критике: от «психопатологического субъективиста», искажающего правду жизни, до «религиозного пророка» и ясновидца «нашей культурной сложности» и сокровенной тайны о человеке. Келдыш не только дает высказаться практически всем ведущим литературным критикам второй половины XIX — начала XX века, но и сам слово бы присутствует при бурном обсуждении наследия писателя, вставляя свои реплики и высказывая оценки, подчеркивающие антиномичность и в то же время целостность

* Келдыш В. А. Наследие Ф. М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с.

художественного мира Достоевского. При этом ученый пользуется своим существенным преимуществом перед современниками писателя и «серебряновековцами» — «точкой вневходимости», обусловленной исторической дистанцией. С этой «смотровой площадки» отчетливо видны противоречивые, зачастую субъективные, идеологически или религиозно-философски ангажированные, но всегда напряженные усилия критической мысли, пытающейся осознать смысл главной эстетической новации Достоевского — «реализма в высшем смысле». «Процесс осмысления наследия писателя, — заключает автор, — развивался в ряду оппозиций, каждая из которых больше или меньше обособляла от целого некую сторону, а нередко и абсолютизировала ее. При всем том черты „целостного“ Достоевского присутствовали в литературно-критическом сознании времени» (с. 266). Именно религиозно-философская и мифопоэтическая критика рубежа веков (пристальное внимание уделяется в книге Д. Мережковскому и особенно Вяч. Иванову как «двум полюсам» символистского «второго открытия» Достоевского) — при всех различиях в понимании смыслового содержания произведений писателя — смогла увидеть в «фантастическом» реализме Достоевского, по формули-

ровке Келдыша, «соединение творческого метода, освященного классическими традициями, с художественным экспериментом, предсказывающим поэтику грядущего» (с. 269).

Серьезного внимания заслуживает итоговое соображение автора о современном состоянии достоевсковедения, во многом развивающего религиозно-философские идеи Серебряного века. Исходя из известного высказывания Достоевского («через большое горнило сомнений моя осанна прошла»), Келдыш констатирует преобладание сегодня апологетического дискурса — «раскрытие многосмысленного у писателя понятия „осанна“, но при этом другой смысловой комплекс — „горнило сомнений“ — нуждается в большем внимании»: его глубокое изучение «способно значительно крупнее высветлить еще одну, сокровенную, сторону творческой личности гения — подвиг духовного преодоления» (с. 272).

Пафос целостного «узрения» художественного мира Достоевского вдохновляет автора книги, которая отличается не только высокой степенью постижения предмета исследования, но и редкой на сегодняшний день простотой и прозрачностью научного языка, что позволяет увидеть в ней достойный образец отечественной академической метакритики.